

шаре не существует. Есть много прекрасных, замечательных, удивительных, чудесных городов, но это всё-таки города. А что такое Венеция? Дать определение этому месту практически невозможно. С одной стороны, вроде бы, это город, где существуют все городские службы.

ТЕПЕРЬ У НАС БРАК ВТРОЁМ. В ХОРОШЕМ СМЫСЛЕ: Я, МОЯ ЖЕНА И ВЕНЕЦИЯ

С другой стороны, это не город, потому что в нём нет транспорта, кроме как водного, но при этом есть 400 с лишним мостов... Даже придумали специальную тележку, чтобы ходить за продуктами: у неё по три колеса с каждой стороны, вместе получается шесть колёс, чтобы было удобно везти эту коляску с продуктами через мостик. В общем, там всё абсолютно необычно.

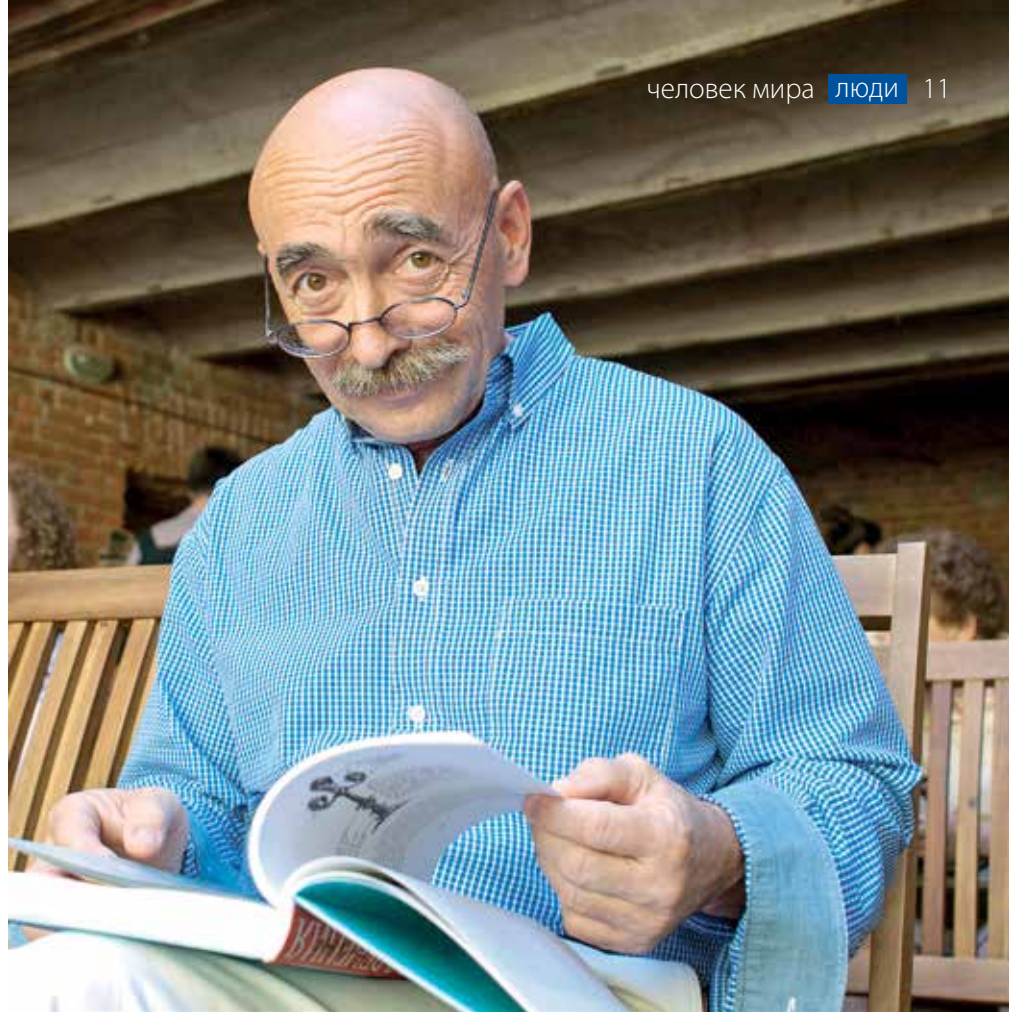
В этой книге каждая глава — это точка общепита. Я давно открыл этот приём, чтобы не придумывать названия каждой главе. Вот в книге «Заметки пассажира» у меня каждая глава — это вагон: вагон №1, 2, 3 и так далее. В «Заметках авиопассажира» каждая глава — это рейс. А в «Моей Венеции» каждая глава — это какая-нибудь остерия или trattoria. Книга действительно написана в таких заведениях — я ведь пишу ручкой, от руки, мне не нужен компьютер.

Я там сижу, пью белое вино, ем спагетти и пишу ручкой с чернилами текст. Конечно, текст начинается как бы про это место и про еду, которую я ем в этом месте, но дальше мысль моя улетает, и улетает в города нашей страны, в Москву, к моим друзьям, а потом возвращается в этот ресторан, и завершается каждая глава рюмкой граппы. Я заканчиваю каждую главу словами: «Принесите мне, пожалуйста, рюмку граппы!»

Люди, которые прочли эту книжку, мне однажды сказали: «Какой же ты подлец, мы теперь стали пить эту граппу!»

☞ Стало быть, вы гурман...

— Я теоретический гурман. Несколько лет назад я изменил подход к питанию и в результате похудел на 25 кг,

но в кухне разбираться не перестал. Еда — это важная вещь для итальянцев. Когда я стал немножко понимать по-итальянски, понял, что 80% разговоров на улице начиная с 11 часов 30 минут — это про еду. Итальянцы идут на обед!

В Италии есть блюда, которые готовят только там. Например, паста с чернилами каракатицы. У каракатицы есть такой мешочек, из него выливают чернила, которыми этот моллюск стреляет в своего преследователя, смешивают эти чернила с пастой и мелко нарубленной каракатицей. Это очень вкусно с белым вином. Но рот потом становится, как от черники, чёрный.

Я часто сравниваю себя с каракатицей, потому что пишу чернилами и рисую карикатуры (я их нарисовал около 30 тысяч, представьте себе) чернильной ручкой. Так что я, как каракатица, стреляю в общество своими карикатурами, нарисованными чернилами.

☞ Вы пишете от руки? Это потрясающе! На компьютере так удобно перечитывать, править...

— Мне нравится писать от руки, потому что я очень люблю ручки, чернила,

я писал от руки истории болезни — тогда ещё не было у врачей компьютеров. Когда работал в газете «Известия», там было машбюро, и я сначала писал свои тексты ручкой, а потом диктовал их по телефону машинистке в машбюро. И сейчас работаю так же: пишу текст ручкой, затем диктую машинистке по телефону, она набирает его на компьютере и присылает мне по электронной почте в виде файла, я его читаю и правлю.

Я рисую свои картинки той же ручкой, которой пишу тексты. Мне нравится писать! Когда я пишу ручкой, это один текст, когда я его диктую, это уже совсем другой текст, а когда я его вижу на экране — третий. Получается, что мне текст надо видеть, слышать и осязать руками!

☞ У вас медицинский почерк?

— У меня два почерка. Когда пишу бегло — медицинский: не дописываю слова, сокращаю так, что никто понять не может, кроме меня, да и я не всегда. И второй почерк — тот, которым пишу в «пузырях» на тысячах карикатур, которые нарисовал, — печатные буквы. Этот почерк понимают все.